ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ХАКАСОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. СУРИКОВА

Чебодаева Маина Петровна

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан, Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматривается и анализируется творчество художника В.И. Сурикова, связанное с Хакасией. Автор впервые систематизировал работы художника периода его хакасских поездок в 1873, 1892, 1994 и 1909-х годах. В живописных и графических работах В.И. Сурикова запечатлен традиционный мир хакасского быта, который стал для него источником творческого вдохновения. Кроме того, хакасские работы демонстрируют процесс изучения характеров, а также становления структуры построения, колористической гаммы изображаемых объектов, техники изображения. Данные работы малоизвестны широкой публике и бесспорно вошли в художественное наследие В.И. Сурикова.

Ключевые слова: В.И. Суриков; живопись; рисунок; гравюра; акварель; портрет; этнографические сюжеты; традиционный быт; традиционная культура; Хакасия.

Для цитирования:

Чебодаева М.П. Этнографические образы хакасов в творчестве В.И. Сурикова // Искусство Евразии. – 2020. – № 1 (16). – С. 23–44. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2020.01.002. [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/1745169/8/>

Информация об авторе:

Чебодаева Маина Петровна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Российская Федерация. Email: chebodaevamp@mail.ru

Творчество русских и зарубежных художников XVIII–XX веков, посетивших Хакасию, в контексте влияния этих поездок остается малоизученным в отечественном искусствоведении. В данной статье будет освещено творчество русского исторического живописца В.И. Сурикова, посетившего этот край четыре раза – в 1873, 1892, 1894 и 1909 годах и написавшего в поездках незабываемые образы местных жителей – хакасов.

Нами выявлено 53 работы художника, непосредственно связанные с Хакасией. Из каждой поездки Суриков привозил большое количество разнообразных этюдов маслом, акварелей, рисунков, портретов хакасов, видов окрестностей Узун-Чула, Немира, Таптыпа, Матура, Изынжуля, озера Ши́ра, местности Котен Булук (Котен Пулук) в Салбыкской степи, горы Биштаг (*Пис-таг* – пять гор) в Аскизском районе. Художник запечатлел в набросках многое из увиденного: внутреннее убранство хакасской юрты, древнее каменное изваяние Улуг Хуртуях Тас, типы минусинских татар (хакасов и хакасок) и традиционные занятия хакасов – коневодство и охоту.

Первую поездку в Хакасию В.И. Суриков совершил, еще будучи студентом Академии художеств, в 1873 году. Напряженная учеба и сырой петербургский климат сказались на здоровье – он заболел туберкулезом. Узнав об этом, опекавший его красноярский золотопромышленник Петр Иванович Кузнецов очень огорчился и пригласил Сурикова приехать летом на одну из своих дач-резиденций в таежное имение Узун-Чул. П.И. Кузнецов много сделал для Сурикова – он не только платил ему стипендию, но и по-отечески заботился, став для него чутким и мудрым советчиком. Богач-золотопромышленник и меценат, городской голова Красноярска, он был первым, кто поверил в талант Сурикова-художника.

Узун-Чул, где в 1873 году Суриков прожил больше месяца, – один из самых живописных уголков в Хакасии. Узун-Чул переводится с хакасского языка как «Длинный ручей». Резиденция Кузнецова находилась в верховьях рек Немир и Узун-Чул, в 150 километрах к юго-западу от Минусинска. Из Красноярска художник добирался на подводах до Ачинска, а далее до места назначения, проезжая Ширинскую, Салбыкскую степи, так называемую «Долину царей». Он запечатлел этот путь в работах: «Минусинская степь» (1873), «Минусинск. В пути» (1873) и «Группа людей у повозок» (1873).

В Узун-Чуле П.И. Кузнецов дал Сурикову для поездок коня из своей конюшни. Верховом на лошади художник ежедневно ездил в хакаские аалы пить кумыс (напиток из кислого молока). В результате очень скоро он избавился от испарины, полностью прекратилось покашливание. Два месяца, проведенные среди первозданной хакасской природы, населяющих ее людей, кумыс, – все это благотворно сказалось на его здоровье. Бесспорно, помог и хакасский степной сухой, горячий воздух, пахнувший полынью.

Чувствуя прилив физических и творческих сил, Суриков много и плодотворно работал как живописец-пленэрист и как художник-исследователь, постигая величие природы и красоту местного населения. Он брал альбом, краски и уезжал в степь на весь день. Одна за другой рождались акварели, которые передавали сохранившиеся своеобразные черты традиционного быта и национального облика хакасов.

Во второй половине XIX века традиционный уклад жизни минусинских, или абаканских, татар, – как называли в то время хакасов, – исторически не изменился. Хакасы занимались скотоводством, рыболовством и охотой. Можно представить, как Суриков с восхищением наблюдал за вихрем скачущим по степи всадником, – в таких скачках удерживались в седле только особые смельчаки. Его работы «Укрощение степных лошадей у минусинских татар» (рис. 1) и «Выездка степных лошадей у минусинских татар» (рис. 2) рассказывают о хакасах-скотоводах. В двух гравюрах автор показал процесс укрощения и выучки дикой лошади. На первой – двое мужчин с помощью уздечки и аркана притягивают лошадь к коновязи, третий человек в это время накидывает на лошадь седло. Недалеко видны юрты, у одной из которых

из дымового отверстия струится дымок. На другой гравюре наездник умело укрощает с помощью уздечки и кнута вздыбившуюся лошадь.

*Рис.1. Суриков В.И.
Укрощение степных лошадей
у минусинских татар. 1873.
Источник: [6, с. 820].*

*Рис.2. Суриков В.И.
Выездка степных лошадей
у минусинских татар. 1873.
Источник: [6, с. 821].*

Акварель Сурикова «Минусинский татарин с пицалью на сошках» (рис. 3), выполненная им во время этой же поездки, хранится в частном собрании в Париже. Охотник в длинной до земли шубе стоит, прицеливаясь из пицали, ствол которой положен на деревянную двуногую подставку. Позади него оседланная лошадь, привязанная к пню. На поясе охотника висят круглая пороховница и огниво. Много лет спустя такие же пицали на подставках и пороховницы Суриков воспроизведет у казаков дружины Ермака в картине «Покорение Сибири Ермаком».

*Рис. 3. Суриков В.И.
Минусинский татарин
с пищалью на сошках. 1873.
Частное собрание. Париж.*

В эту поездку Суриков посетил с. Аскиз, где находилась резиденция П.И. Кузнецова. Село Аскиз имеет давнюю историю. Оно было образовано в 1770–1771 гг. в связи с постройкой в устье реки Аскиз деревянной церкви Святых апостолов Петра и Павла. Основание села связано с именем сагайского князя Амзора Наира Гульбежекова, одного из первых князей, принявших подданство России. Свое имя село получило от названия реки Азхыс, что в переводе с хакасского означает «река» (*аз*) и «девушка» (*хыс*).

К моменту приезда Сурикова Аскиз был центром Сагайской Степной думы. В селе была построена уже каменная Петропавловская церковь, открылось в 1869 году одноклассное приходское училище. У золотопромышленника П.И. Кузнецова имелась значительная по тому времени библиотека, которой пользовались и местные жители, занимавшиеся скотоводством, земледелием, а также плотничеством, кузнечеством и другими ремеслами. По данным 1859 года, в селе Аскиз имелось 40 дворов с населением 221 человек.

В Аскизе находился перевалочный пункт золотопромышленника П.И. Кузнецова и его сыновей – для грузов, идущих на прииски по рекам Кызасу, Анзасу и Узун-Чулу. В конце западной части села Кузнецов возвел два больших дома, конюшни, амбары и прочие постройки. Суриков остановился в Аскизе в «резиденции» П.И. Кузнецова – двухэтажном деревянном здании (в настоящее время там находится Аскизский районный краеведческий музей им. Н.Ф. Катанова) (рис. 4). В середине села находилась вторая «резиденция», состоявшая из двух домов, принадлежавших сыну Кузнецова – Иннокентию Петровичу.

В Аскизе Суриков написал акварель «Хакас с закованными в цепи ногами» (портрет Хучаса Кулунакова) (рис. 5). Суриковым изображен реальный человек, проживавший в Сагайской Степной думе. Бедняки часто не выдерживали байского гнета и выражали протест против эксплуатации – угоняли скот, уклонялись от повинностей, уходили в горы и тайгу. Скрывавшихся от властей беглецов называли «*хасхылы*».

*Рис. 4. Резиденция
П.И. Кузнецова в с. Аскизе.*

*Рис. 5. Суриков В.И.
Хакас с закованными в цепи
ногами (портрет Хучаса
Кулунакова). 1873. Бумага,
акварель, графический
карандаш. 23,0 x 32,2.
Собрание семьи художника.*

В 1850–1870-е годы среди хакасов прославился койбал Хучас Кулунаков, сын Миргена. Из-за своей бедности он был вынужден наняться в рекруты, но, не выдержав казарменных условий, бежал. Став беглым, Кучас своими набегами наводил панику на богатых жителей хакасских аалов. Кучас был легендарной личностью, действовал смело и хитро, обладал огромной физической силой. В 1862 году Хучас был пойман в Степной думе и отправлен на каторгу. Оттуда бежал. В 1867 году он был снова арестован, но уже в 1872 году опять сбежал и грабил баев. Были у Хучаса и другие аресты и побег.

Незадолго до приезда Сурикова в селе Аскиз Хучас был пойман и посажен в тюрьму. Суриков пожелал зарисовать беглеца. Его поразила независимость, внутренняя сила и физическая мощь этого человека, привлекла стройная фигура, загоревшее лицо с отливом бронзы от знойного хакасского лета, иссиня-черные волосы. Акварельный набросок сопровождался надписью художника: «Кучась, бежал 12 раз из каторжных работ, Аскиз» (цит. по: [1]). Свободная поза, непреклонность во взгляде рождает у зрителя мысль о неотвратимости новой попытки обретения свободы.

Известный красноярский художник Д.И. Каратанов вспоминал о приезде Сурикова в 1873 году в село Аскиз: «В котором году проездом на прииски Кузнецова

в резиденции останавливался В.И. Суриков, я не знаю. Но об этом слышал от своих родителей. Появление его в резиденции совпало случайно с одним интересным событием. Незадолго до его приезда был пойман, арестован и посажен временно, до суда, в аскизскую каталажку разбойник татарин Кучас. Разбойничал ли он один или были у него товарищи, не знаю, но, насколько мне помнится, он действовал, кажется, один. На жителей улуса он наводил панику... В.И. Суриков изъявил желание его нарисовать. Кучаса под конвоем привели в резиденцию И.П. Кузнецова, и Суриков сделал с него карандашный набросок. Тогда же Кучас был сфотографирован. У нас имелось это фото, но оно давно утеряно. Но я и теперь помню черты этого замечательного лица и позу его фигуры. Оно настолько врезалось мне в память, что если бы я и сейчас попробовал его нарисовать, то мне кажется, что изображение вышло бы не без сходства с оригиналом. Как будто вылитая из бронзы его голова на крепкой шее хорошо посажена на мощной, стройной и пропорциональной фигуре. Сказать о его росте нельзя, потому что он снят сидящим на стуле. По лицу ему можно было дать лет тридцать. Волосы выются крупными кольцами. Черты его лица нельзя назвать красивыми, но они правильны, четки, но не резки. Во всем складе его лица чувствуется сознание и телесной, и внутренней своей силы. Взгляд спокойно-смелый, непреклонный. Так глядят орлы. Право, не преувеличивая, его можно сравнить с этой гордой птицей. Жестокость, которая иногда выдается, например, тяжелой нижней челюстью, совершенно отсутствует в этом человеке. Вот таким его образ остался в моей памяти. И мне кажется, что я близко подошел к его изображению. По отзывам отца, видевшего его в натуре, Кучас действительно был недюжинная личность. В Красноярске он был судим и приговорен на какой-то срок в каторгу. Когда уже много лет спустя, мне приходилось встречаться с Суриковым, он с большим удовольствием вспомнил о своем посещении приисков и Минусинской степи» [7, с. 99–100].

Там же, в Аскизе, встретился Сурикову хакасский родовой старшина по имени Мурза (Мурза Черпаков – основатель современного с. Калинино, до 1930 годов оно называлось аал Мурзин) (рис. 6). В акварели «Мурза» художник изображает сухонького старика с пристальным, словно изучающим увиденное, взглядом. В наброске художник передает чувство национального достоинства. Перед нами умудренный жизненным опытом человек, внутренне сосредоточенный, вызывающий всем своим сдержанным обликом особое к себе расположение и уважение.

Акварель «Карым-подпасок. Каменная баба» (рис. 7) совмещает два совершенно разных изображения: не по годам серьезный подросток рядом с навьюченной лошастью и древнее каменное изваяние Улуг Хуртуях Тас, стоящее в окрестностях аала Анхаков, обойти вниманием которое не мог равнодушный художник. Каменное изваяние «Улуг Хуртуях Тас» («Большая каменная старуха») было сделано из песчаника, время его создания относится ко II тыс. до н. э. Подобных изваяний на территории Хакасии были сотни, но это являлось самым известным. Считалось, что Улуг Хуртуях Тас способно было решать проблему деторождения. Первое упоминание о нем относится к 1721 году, когда немецкий ученый Д.Г. Мессершмидт впервые посетил и описал изваяние в Аскизской степи.

Рис. 6. Суриков В.И. Мурза
(портрет Мурзы Черпакова?). 1873.
Бумага, акварель, карандаш.
23,2 x 32,5. Музей-усадьба
В.И. Сурикова, Красноярск.

Рис. 7. Суриков В.И. Карым-подпасок. Каменная баба. 1873.
Бумага, акварель. 23,0 x 32,0. Музей-усадьба В.И. Сурикова,
Красноярск.

Многие годы считалось, что работы, созданные В. Суриковым в 1873 году в Хакасии, являлись подготовительным материалом для конкретных произведений Сурикова: «Княжий суд» (1874), «Покорение Сибири Ермаком» (1892–1897), «Княгиня Ольга встречает тело Игоря» (1909–1915), но это далеко не так. Хакасские этюды Сурикова крайне важны в том смысле, что они стали для него упражнениями, развивающими умение вплотную подойти к изучению характера, структуры построения, колористической гаммы изображаемых объектов, одновременно совершенствуясь в технике.

Давая оценку работам Сурикова в период его поездки в 1873 году в Хакасию, красноярский искусствовед Л.В. Васильева-Шляпина отмечает: «... их ценность вовсе не в этюдной, а в портретной направленности. Если этюдам к “Ермаку” присуща особая экспрессивность, свойственная эмоциональному строю всего полотна, то ранние минусинские изображения “инородцев” более спокойны и отличаются вдумчивым всматриванием в иные лица и характеры. Выделяясь из ряда безликих зарисовок путешественников, протоколно фиксирующих лишь национальные одежды и орнаменты, они изображают людей разного возраста и душевного состояния, увиденных заинтересованным и доброжелательно настроенным взглядом» [2, с. 18].

Лето 1873 года, проведенное Суриковым в Хакасии, оказалось для него плодотворным. Художник целые дни проводил в степи, всего в его папке накопилось 22 акварели, что обнаружено автором этой статьи. Он пишет акварели красками чистыми, глубокими, хорошо сочетая их и точно передавая цвета самой природы, — видно, что занятия с П. Чистяковым в Академии художеств начали сказываться и на развитии его колористического дарования. В работах этих проявляется мастерство исполнения, они написаны с особым подъемом, с увлечением и радостью.

Вторая поездка художника в Хакасию состоялась в 1892 году и была связана с работой над историческим полотном «Покорение Сибири Ермаком». Тема

присоединения Сибири к России интересовала многих русских художников – К. Брюллова, М. Пескова, А. Шарлеманя и др. Сюжет названной картины Суриков выбрал не случайно, ведь его семья принадлежала к старинному роду донских казаков, вместе с Ермаком пришедших в XVI веке в Сибирь. Существовало семейное предание, что прадеду художника, казачьему есаулу Петру Петровичу Сурикову, в одной из боевых стычек качинские воины (качинцы – этническая группа хакасов) выбили глаз стрелой из лука, за что он получил прозвище «Кривой Петр».

Для Сурикова одним из самых важных моментов в процессе создания картины «Покорение Сибири Ермаком» была работа с натурой. С этой целью художник приезжал на родину, в Сибирь, совершил поездки в Енисейскую и Тобольскую губернии. Преодолевая бесчисленные трудности, с альбомом, карандашом и красками в руках он настойчиво отыскивал нужные ему типы людей и предметы, стараясь «уловить правду легендарного похода».

Летом 1892 года художник собирает материал и пишет этюды к войску Кучума – в Хакасии и в Тобольске. Сначала, в мае, Суриков вместе с дочерьми Леной и Ольгой поехал в Тобольск, где им были написаны этюды: «Остяк в лодке», «Головы татар» (старика и молодого) и др. Затем на короткое время он приехал в Красноярск, оставил здесь дочерей и направился вверх по Енисею в Узун-Чул.

Стремление найти необходимые реальные прототипы для сибирских воинов Кучума, запечатлеть каждую деталь национальной одежды и вооружения привели Сурикова в Хакасию. Здесь он поселился на приiske Узун-Чул, который унаследовал после смерти П.И. Кузнецова его сын Иннокентий Петрович. Резиденция Кузнецова в Узун-Чуле представляла деревянный двухэтажный дом с двумя крытыми боковыми террасами, которые делали дом заметным издали, находился он в ложбине, за ней начинались лесистые холмы.

Сын Кузнецова Иннокентий Петрович оставил золотопромышленность и ушел в науку и охоту. Весной и осенью он жил в с. Аскизе и рыбачил. Лето проводил на приiske Немир. Охотился и работал над рукописями книг, вечерами занимался астрономией и наблюдал за небом через небольшой телескоп. Проводил археологические раскопки курганов в Аскизе, на Немире и Узун-Чуле. Зимой работал в библиотеках Томска. Он был страстным рыболовом, и ему принадлежит честь разведения рыбы в озере Баланкуль. Из реки Абакан с неизмеримыми трудностями Кузнецов завез в специальных огромных чанах и на особых дрогах окуней, щук, карасей, линея и пустил их в озеро Баланкуль, в котором раньше рыба не водилась.

Сохранилось письмо Сурикова к матери от 3 июля 1892 года: «Здравствуйте, милые мамочка и Саша! Я теперь живу у Иннокентия Петровича Кузнецова, на его даче за Узун-Джулом, пишу этюды татар. Написал очень порядочное количество. Воздух здесь хороший. Остановился в Минусинске на один день, т. к. музей отделялся, и многие вещи трудно было видеть. Думаю порисовать там, на возвратном пути. Пиши по адресу: Минусинск, Немир, около Узун-Джула, резиденция И.П. Кузнецова, для передачи мне. Останусь здесь недели две еще. Нашел тип для Ермака. Мамочка, целую вас, будьте здоровы. Целую тебя, Сашу. Твой В. Суриков» [9, с. 95] (Саша – брат В.И. Сурикова. – *Прим. М.Ч.*).

Суриков в Узун-Чуле прожил две недели, путешествуя верхом на лошади по его окрестностям с альбомом и этюдником. Эта поездка оказалась для него особенно

удачной. Здесь художник написал множество этюдов и акварелей: «В горах по реке Немиру» (1892), «Шаман» (1893), «Голова хакаса» (1893), «Типы минусинских татар» (1892), «Стрелок, стреляющий из лука» (1892), «Всадник в степи» (1892), «Качинские татары» (1892), «Руки хакасов», «Всадник в старинном вооружении» (1892).

В акварели «Типы минусинских татар» (1892) (рис. 8) художник главным образом ведет поиск наиболее выразительных этнических типов. В картине видно стремление автора выявить и подчеркнуть в этих людях черты, унаследованные ими от предков. Он наделяет изображаемые персонажи не только своеобразным обаянием, не только передает живописную красоту их облика, но и ставит более сложную задачу – создание тонких характеров, пытается передать стихийную силу и самобытность, заключенную в этих людях.

*Рис. 8. Суриков В.И.
Типы минусинских татар.
Эскиз к картине «Покорение
Сибири Ермаком». 1892. Бумага,
акварель, графический карандаш.
17,0 × 24,3. Государственная
Третьяковская галерея.*

В 1959 году, при сверке фондов Томского университетского музея, его сотрудниками была обнаружена акварель Сурикова «Всадник в степи» (1892) (рис. 9). Возможно, в знак благодарности за прием художник подарил ее И.П. Кузнецову. В небольшой по размеру (17 х 24 см) акварели среди хакасской степи, чуть возвышающейся к горизонту и перерезанной рядами чаатасов, на низкорослой степной лошади сидит всадник. Несколькими штрихами художник наметил характерные черты лица хакаса. На голове русский картуз, он одет в коричневый суконный сикпен (пальто), приспособленный для верховой езды. Летние сапоги с высоким голенищем и подошвой без каблуков широким и тупым носком вставлены в треугольное стремя. За спиной всадника ружье, сошки для стрельбы и звероловная сеть. Последовательными тональными переходами художник воспроизводит широкий простор степи. Сочная, ярко-зеленая на первом плане, она плавно уходит своими очертаниями в голубоватую даль. Прозрачный, сиреневатый, ровный тон слегка заполняет намеченные карандашом контуры чаатасов.

В работе «Качинские татары» (1893) (рис. 10) привлекательность смуглых лиц подчеркнута в облике двух молодых хакасов, головы которых написаны акварелью на листе из походного альбома. Найденный в подготовительных этюдах и полюбоившийся ему поворот головы молодого хакаса с правильными, скорее европейскими, чем азиатскими, чертами лица, с прямым с небольшой горбинкой носом,

Суриков воспроизводит в названной картине дважды: в образе запрокинувшего голову, поддерживаемого товарищем раненого (у края картины) и еще раз – в гуще толпы, в профильном повороте головы удивленного и испуганного хакаса с широко раскрытыми глазами и слегка приоткрытым ртом. На полях под изображением авторская надпись: «Минусинск. Енисейская губерния».

Рис. 9. Суриков В.И.
Всадник в степи. 1892.
Бумага, акварель.
30,0 x 19,0.
Музей сибирской археологии
Томского государственного
университета.

Рис. 10. Суриков В.И.
Качинские татары.
Эскиз к картине «Покорение
Сибири Ермаком». 1893.
Бумага, акварель, карандаш.
16,1 x 22,7. Красноярский
художественный музей
им. В.И. Сурикова.

На обратном пути из Узун-Чула в Красноярск Суриков посетил знаменитый Мартыановский музей в Минусинске. В фондах музея он тщательно изучает этнографический отдел – с сохранившейся традиционной одеждой и головными уборами, ритуальными шаманскими предметами, орнаментальными украшениями и предметами быта хакасов, делая с них зарисовки. Художник мысленно проникал в тот мир, который существовал до прихода Ермака и его дружины в Сибирь, и сумел найти и оценить самобытность этих предметов быта, уходящего корнями в седую древность.

Бережно и любовно воспроизведены им национальные украшения, ни с чем не сравнимый колорит национального костюма, расшитого геометрическими узорами.

В отделе археологии музея художник тщательно и долго изучает и зарисовывает черепа древних обитателей края, доспехи, кольчуги, старинное оружие, лук и стрелы.

Суриков всегда внимательно и с любовью изучал народный быт. Он первым из русских художников воспеал и понял красоту декоративно-прикладного искусства хакасов: предметы быта, одежду, резьбу, шитье, орнамент и художественную обработку металла. Это наглядно продемонстрировал этюд «Всадник в старинном вооружении» (1892) (рис. 11), написанный Суриковым в Минусинском музее. На нем художник зарисовал не только вооружение и костюм с мельчайшими деталями, но и два огнива (*отых*), нож в ножнах (*пчах*), серебряные подвески к поясу. Этюд носит этнографический характер, где помимо всадника в вооружении с любовью воспроизведены предметы, использовавшиеся хакасами в быту.

*Рис. 11. Суриков В.И.
Татарский всадник
XVI века (Всадник в
старинном вооружении).
Этюд к картине «Покорение
Сибири Ермаком». 1892.
Холст, масло. 26,8 x 32,7.
Смоленский государственный
музей-заповедник.*

В ходе работы над картиной «Покорение Сибири Ермаком» Суриков предпринял еще одну поездку в Сибирь летом 1894 года. Он едет по Оби, Енисею и на озеро Шира в Хакасии.

Озеро Шира, где Суриков писал этюды к картине «Покорение Сибири Ермаком», находится в Качинской степи. Это один из своеобразных и живописных уголков Хакасии. Название «Шира» в переводе с монгольского значит «Желтое озеро». Само озеро огромно (25 км в окружности). В ясную погоду оно серо-стального цвета, а во время волнения – изумрудно-зеленое. Озеро Шира расположено в обширной котловине, замкнутой со всех сторон высокими холмами, спускающимися к озеру своеобразными террасами. А окружающая озеро степь – твердая, каменистая, почти голая, покрытая низкорослыми травами и пикульником, с одинокими деревьями. Рядом с небольшими хакасскими аалами здесь встречались березовые рощицы. Характерная особенность пейзажа – множество ритмически чередующихся округлых холмов, которые придают местности волнистый характер.

Первым обратил внимание на целебные свойства озера Шира известный томский золотопромышленник, купец 1-й гильдии З.М. Цибульский. Он неоднократно бывал

на озере Шира и узнал об охотнике, который ранил свою собаку, и та, купаясь в озере, залечила свою рану. Тогда «купец Цибульский испробовал лечебные свойства озера на себе, ежедневно купаясь в озере, вылечил радикулит. В 1873 году Цибульский взял у инородческой управы озеро в аренду на 25 лет и для своей семьи построил на западном берегу несколько юрт» [3].

В 1891 году озеро изъяли из владения Абаканской инородческой управы и передали казне. С 1 февраля 1891 года озеро Шира стало называться курортом и здесь началось возведение казенных и частных построек. Пребывание и лечение на курорте не было дешевым, и поэтому его могли позволить себе только состоятельные люди – купцы, военные, духовенство, дворяне, мещане-домовладельцы, чиновники и зажиточные крестьяне.

Добраться до курорта Шира в то время было довольно сложно. Обычно на пароходе из Красноярска плыли по Енисею до пристани Батени, где нанимали лошадей, и 55 верст (одна верста – 1067 м) ехали степью, встречая на пути редкие хакасские аалы. Иногда добирались на лошадях до Ачинска. Обычно путь в один конец занимал три дня.

Большое число этюдов и зарисовок Суриков сделал летом 1892 года в окрестностях озера Шира. Здесь он посещал хакасские аалы и делал наброски хакасов на лошадях, портреты хакасов – для правой части картины, войска хана Кучума. В итоге напряженного труда появились великолепные этюды маслом: «Убегающий татарин» (1894), «Всадник-татарин» (1894), «Головы татар» (1893–1894), «Сибирский инородец» (1894), «Убегающий» (1893) и «Хакасы» (1894).

В этюде «Головы татар» (1893–1894) (рис. 12) художник ставит более сложную задачу – создания тонкой психологии человека. Он не только наделял героев своеобразным обаянием и особой красотой, но и передавал стихийную силу и самобытность, заключенную в этих людях. Слева мы видим молодого мужчину, откинувшего голову назад. Художник передает его страдальческое выражение лица, эту гамму переживаний, безусловно, понял и пережил сам мастер.

*Рис. 12. Суриков В.И.
Головы татар. Этюд
к картине «Покорение
Сибири Ермаком».
1893–1894. Холст,
масло. 13,8 x 20,6.
Красноярский краевой
краеведческий музей.*

В течение четырех лет Суриков вел подготовительные работы к картине «Покорение Сибири Ермаком» (рис. 13). В феврале 1895 года эта картина появилась на XXIII выставке «Товарищества передвижных выставок». Художник создал картину масштабную, передал в ней художественную эпопею сибирского казачества, прославил его подвиги. Идея столкновения двух различных культур, двух мировоззрений подчеркнута динамикой композиции, условным делением картины на две части: левая – дружина Ермака, правая – войско хана Кучума. Напряженность, драматизм, трагичность наполняют это огромное полотно. Русские и татары бьются не на жизнь, а на смерть. Казаки наступают крепко спаянным отрядом. Татары бьются неустрашимо, отчаянно. Чтобы показать великое множество татар, стихийность, неорганизованность их действий и сплоченность, несокрушимый натиск казаков, предельную напряженность боя, Суриков идет на некоторые отступления от правдоподобия. Он нарушает масштабные соотношения фигур казаков и татар, нагромождает людей так плотно, что в жизни в таких условиях они просто не могли бы двигаться.

Рис. 13. Суриков В. И. «Покорение Сибири Ермаком». 1895. Холст, масло. 285,0 x 599,0. Государственный Русский музей.

Может быть, впервые в батальной картине, рисующей страшную битву, нет крови, трупов, искаженных от боли лиц. И в то же время ощущается грандиозность, смертельность боя. Кругом все бурлит. Вода плещется, закипает от обрушивающихся в нее стрел, тяжело падающих тел. Сверкает огонь выстрелов, дым застилает лица, над обрывом скачут, мечутся всадники Кучума.

Суров и мрачен пейзаж осеннего, холодного дня: низкое небо с тяжелыми, быстро движущимися тучами, высокий глинистый обрыв берега, свинцово-бурая вода могучей реки Иртыш, вдали виднеется город Искер. Холодный воздух серого дня, пропитанный туманом и влагой, смягчает даже самые яркие краски, словно поглощая их. Люди и предметы окутаны сероватой дымкой, объединены серебристо-бурым тоном.

Известный исследователь творчества Сурикова В. Кеменов приводит воспоминания М. Волошина о замысле художника в картине «Покорение Сибири Ермаком»: «Хотелось передать, – говорил Суриков, – как две стихии встречаются» [4, с. 9]. В самом деле,

«разбойничья вольница Ермака и татарская армия Кучума – это две непримиримые стихии, столкнувшиеся в смертельной схватке. Силы не равны – против татарских стрел, луков, копий и щитов у Ермака пушки и ружья. Грохот выстрелов, вспышки пламени и белые клубы порохового дыма предрешают исход битвы. Свирепые, жестокие лица казаков даны без всякой идеализации, но и без обличительного преувеличения. Растерянные, испуганные лица татар» (цит. по: [8, с. 465]) полны глубокой человечности. В этой картине Суриков без всякого приукрашивания показал неофициальную «изнанку» покорения Сибири. Развивающиеся у Ермака хоругви с ликом «Спаса» – как и шаман в татарских войсках – дополняют картину этой бойни. Верный своему принципу, Суриков и здесь не осуждает и не защищает ни казаков, ни татар, не произносит «критического» приговора истории, и именно поэтому, силой своего реализма, наталкивает на вывод более глубокий, чем запоздалые упреки Ермаку; этот вывод – еще одна сторона трагедии народа – гибель человеческих жизней, как завоевателей, так и защитников, трагическое столкновение народов» [4, с. 9].

Стремлением найти реальные прототипы для каждого образа и запечатлеть каждую деталь одежды и вооружения отмечена работа Сурикова над образами воинов Кучума. К картине «Покорение Сибири Ермаком» Суриковым было написано 14 портретов хакасов, выполненных маслом и акварелью. Многие лица хакасов художник сохраняет в живописном полотне, почти не меняя их мимических особенностей. В каждом написанном с натуры этюде Суриков находит нужные ему для картины эмоции: выражение мучительного непонимания, робость и страх, наивную, почти детскую доверчивость одних персонажей и простодушие, озлобленность других. Конечно, в финальной работе чувства сгущаются, обостряются, обнажаются еще резче, но индивидуальность, запечатленная в этюдах, в картине обязательно сохраняется, бережно доносится до зрителя, сообщая полотну удивительную жизненность и достоверность. Это стало, как известно, одной из замечательных особенностей Сурикова – исторического живописца. Хакасы и остяки в картине для художника – далеко не сплошная и не однообразная по характеру, а напротив – удивительно разнообразная в своем единстве масса. Художник проник в душу другого народа, почувствовав в лицах не только этническое сходство, но и межэтнические особенности представителей малых народов Сибири.

Четвертая поездка В.И. Сурикова с дочерью Еленой в Хакасию состоялась летом 1909 года. 4 июля Суриковы выехали из Красноярска на пароходе вверх по Енисею на местный курорт – озеро Шира, где провели весь июль. В Красноярск они возвратились 4 августа. Суриковы добирались на пароходе по Енисею до пристани Батени, оттуда на лошадях – по степи (рис. 14). Путешествие было несколько хлопотное и сопряженное с неудобствами, но зато оно окупалось замечательными живописными видами. Поездка на пароходе заняла 2-3 дня. В Батени Суриковы пересели на ямщицкие тройки и 60 километров ехали по холмистой степи, поросшей полынью, мятой и цветущей пикулькой (ирис), с многочисленными курганами и озерами по сторонам дороги, с синими увалами гор, окаймляющих степь.

Рис. 14. Отдыхающие на конных повозках едут на курорт озера Шира. 1909.

Рис. 15. Поселок И.М. Иваницкого на озере Шира. Начало XX века.

Курорт Шира был в 1909 году для своего времени вполне благоустроенным. Несколько домов и деревянные хакаские юрты, крытые древесной корой, были расположены по берегу, образуя поселок. По соседству с курортом находился так называемый «аал богача» – золотопромышленника И.М. Иваницкого – поселок, состоящий из трех рядов деревянных юрт. Над всеми строениями высился силуэт деревянной церкви (рис. 15). В Шира имелись гостиница, курзал, теннисные и крокетные площадки, ресторан, кухмистерская Арнаутовой.

Внучка художника Н.П. Кончаловская писала: «С курортной публикой Суриковы не общались, лечиться им было не от чего. Интересовали Василия Ивановича только хакасы. Он приглашал их к себе, Лена угощала их чаем. Суриков ездил к ним сам в улусы, писал их с натуры. Ему нравилось, как они сидели кучками за беседой прямо на траве, женщины отдельно от мужчин. Нравилось, как они пели, – что видят перед собой, о том и поют заунывно, однообразно. Плясали они не грациозно, но конские игры и скачки были бесподобны. Очень интересны были у них сказители (*хайджи*), весь округ собирался слушать их. Они сидели на ковре под открытым небом, окруженные плотным кольцом слушателей, и по очереди говорили сказки – смешные, печальные, страшные. И, хотя говорили они по-татарски, было понятно, о чем идет речь,

по жестам, по интонации рассказчиков, – это были артисты. Несмотря на то, что все татары края давно приняли христианство, шаманство у них было в силе. Василий Иванович любил наблюдать пляску шаманов» [5, с. 292].

В Шира в 1909 году художником были написаны «Минусинская татарка», «Женщины, сидящие на земле», «Татарская наездница», «Степь с табунами и курганами», «Юрта. Вид изнутри», «Озеро Шира», «Тройка на озере Шира», «Портрет минусинского татарина», «Минусинская татарка», «Минусинские горы», «Юрта», «Портрет женщины в костюме свахи», «Калмычка» (портрет хакаски).

27 июля 1909 года на озере Шира Суриков стал очевидцем празднования дня Святого Пантелеймона. Из окрестных хакасских аалов на праздник съезжалось много хакасов-качинцев. На окраине Шира прибывавшие разбивали лагерь. Утром в праздничный день, после церковной службы, огромная толпа людей приближалась к озеру. В ярких национальных костюмах, многие верхом на лошадях, они въезжали в воду и купались. Эта пестрая толпа на берегу озера была особенно красочна, она-то, по видимому, и запомнилась Сурикову. После купания проводились конные скачки.

Е.В. Сурикова вспоминала, как однажды попали они в гости к качинскому богачу Егору Петровичу Спирину (воспроизводим воспоминание в пересказе Н. Кончаловской): «Юрта его была увешена коврами, уставлена шкафами с дорогой посудой, в сундуках лежала богатая одежда. Четыре хозяйки в длинных рубашках из дорогого шелка с пестрыми оплечьями, с волосами, заплетенными в мелкие длинные косички, с понизьями коралловых и бирюзовых украшений, встретили Суриковых. Женщины молча поздоровались, протягивая узкие твердые ладони, и тут же все занялись своими делами, одна стала строчить на швейной машинке, другая уселась читать. Лена взглянула на обложку – оказалось “Воскресенье” Толстого. Еще две принялись накрывать на стол. Хозяин стал занимать гостей. Он хорошо говорил по-русски и рассказал, что живет с женой и тремя дочерьми, доволен жизнью, достатком. Женщины внесли огромный, медный, ярко начищенный самовар. Угощение было хорошим: домашние лакомства, печенья, закуски, конфеты. Суриковы проголодались и с удовольствием принялись за еду. Говорил только хозяин – из женщин трудно было вытянуть слово, но русский язык знали и они: девушки все окончили школу. После чая Суриков попросил разрешения порисовать. Хозяин, восхищенный и удивленный, с большим вниманием следил за каждым движением художника. Когда два этюда были закончены, хозяин сказал младшей дочери, гибкой девушке с зелеными глазами и хитрой улыбкой. Та открыла сундук и достала из него белую барашковую шубку, крытую пунцовым шелком и соболью шапку блином, какие носят свахи. Спирин попросил нарисовать дочь в этом костюме. Суриков сделал акварель молодой татарки в этой шубе и шапке на фоне зеленых холмов. Хозяева были в восторге и провожали гостей с почетом и уважением» [5, с. 292] (рис. 16).

Хакасский бай Егор Петрович Спирин был родом из Белого Июса, занимался торговлей и ростовщичеством (рис. 17). По данным 1877 года, в своем хозяйстве он имел 1500 лошадей. В 1897 году в Шира на средства местных богачей Н.Е. Чистякова и Е.П. Спирина была построена деревянная церковь, куда летом из села Сон на службы стал приезжать священник. В 1894 году Спирин подарил Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) полный костюм хакасской свахи «*пазыр்தхан ичези*» и убранство для коня (коллекция № 264). В этот костюм входят

праздничная шуба (*тон*), безрукавка (*сигедек*), платье (*когонек*), головной убор (*тулгу порік*) с невысокой круглой тульей, обшитой сверху зеленым шелком, и отороченным лисьим мехом и женское нагрудное украшение (*ного*). Убранство коня «свахи» состоит из седла, чепраков – большого, малого и заднего, украшения женского седла «татора», нагрудного ремня-сбруи, подфеи (подхвостника), уздечки и стремян.

Рис. 16. Суриков В.И. Портрет женщины в костюме хакасской свахи (портрет дочери Е.П. Спирина). 1909. Холст, масло. 33,0 x 26,5. Частное собрание.

Рис. 17. Хакасский бай Е.П. Спирин (1854–?), с которым встречался В.И. Суриков в 1909 году в Шира.

На седьмой выставке «Союза художников-передвижников» 1909–1910 годов Суриков представил несколько своих работ, написанных на озере Шира: «Юрты», «Театр в юрте», три этюда хакасов, хакасская наездница, два этюда озера Шира, степь с табунами и курганами, курган в степи, эскиз хакасов у церкви, хакаски у озера, внутренность богатой юрты, вечер на озере Шира.

В 1909 году в Шира у Сурикова возникает замысел картины «Княгиня Ольга встречает тело Игоря» (рис. 18). По мнению искусствоведа В.С. Кеменова, эту картину Суриков задумал под впечатлением от прочтения книги И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей». Писатель рассмотрел «судьбу и роль женщины в различные периоды истории Древней Руси» [4]. Забелин считал, что в языческое время женщина в Древней Руси выступала как общественная личность. Поэтому Ольга продолжает выполнять мужскую работу, действуя мудро и мужественно. Она воюет, путешествует, издает законы, налагает дань, воспитывает отважный дух в маленьком сыне Святославе. Это было время богатырских подвигов и мужчин, и женщин. После принятия христианства на Руси распространились византийские понятия, что породило

аскетичный идеал монашеской жизни, и женщина была отделена от общественных дел, обречена на затворничество – либо в домашней сфере (терем), либо в церковной (монастырь). В XVII веке наиболее энергичные натуры стремятся к активной деятельности, идут на разрыв с принятым укладом жизни: боярыня Морозова в стремлении к религиозному подвигу, царевна Софья в стремлении к царскому трону. Поступки обеих женщин Забелин сравнивал с деятельностью Ольги – их прабабки еще языческого века.

Рис. 18. Суриков В.И. Эскиз к картине «Княгиня Ольга встречает тело Игоря». 1915. Бумага, акварель. 36,0 x 61,5. Государственный Русский музей.

В поиске материала и впечатлений для создания картины Суриков, верный себе, снова обращается к Хакасии. Курганы и каменные изваяния, стремительные конские скачки и игры, сказители и шаманы, хакасы, сидящие прямо на траве группами, мужчины отдельно от женщин, плакальщицы на похоронах и хакаские женщины в цветастых «платях до пят с пестрыми оплечьями и понижами бус, их длинные косы с серебряными кольцами и подвесками – все это рождало у Сурикова представление о древних славянах» [4, с. 13] и языческой Руси X века.

В.С. Кеменов отмечает, «первый эскиз к картине сделан в 1909 году, последний, одиннадцатый, – в 1915-м. Композиция была уже вполне решена, и даже по эскизам можно представить себе, какое редкое по красоте и суровой правде произведение созревало в творческом воображении Сурикова» [4, с. 13].

Последний эскиз к картине «Княгиня Ольга встречает тело Игоря», датированный 1915 годом, наиболее интересен и тщательно разработан. На нем мы видим «степь с холмами на горизонте, отлогий берег реки и столпившийся народ. К берегу причалил плот с телом князя Игоря. В центре толпы – окруженная плакальщицами и воинами-славянами княгиня Ольга. Подняв руку, она дает клятву отомстить древлянам за смерть мужа. Прижавшись к матери и опустив голову, стоит маленький Святослав» [4, с. 13].

Действие происходит на фоне степного пейзажа с курганами, широким горизонтом и низко нависшими тучами.

Лица сидящих на земле женщин, Ольги, дружинников – типичные для «минусинских татар». Художник в эскизе стремился усилить восточный облик толпы – овал лица, разрез глаз, скуластость, коренастые фигуры воинов, степных наездников, позы сидящих на земле женщин словно отсылают в ширинские степи, к качинцам. Тщательно написаны фигуры сидящих женщин, в которых без труда можно узнать хакасок.

Одежда изображенных характерна для хакасских женщин. Одна из трех женщин, сидящих на земле, одета в светлое длинное платье с широкими сборками у воротника, характерными наплечниками, которые часто делались из другой материи, с вышивками и широкими рукавами. Две косы, свисающие по бокам головы, и платок, повязанный сзади, – обычная прическа замужней хакаски. У женщины, сидящей с края в левой части, тоже типичные хакаские украшения. Особенно характерны способы повязывания головных платков.

Интересна обувь стоящих воинов, на ногах у них хакасская обувь. Летние сапоги качинцев (*маймах*) шились из мягкой кожи с высоким голенищем. Носок у будничных сапог был широкий, у праздничных – более острый, в старину слегка загибался кверху. Такие именно сапоги мы видим у двух воинов, стоящих с копьями над телом Игоря.

Хакасия стала одной из героинь творчества Сурикова. Он посетил ее молодым и зрелым и оставался ее почитателем всю жизнь. Суриков не мог не полюбить Хакасию, ставшую родной и близкой ему. Он навсегда остался под впечатлением от нашей Родины. Широкие и бескрайние степи, голубые дали Кузнецкого Алатау, древние седые курганы и изваяния, серебристая гладь озера Ши́ра были воспеты художником в его произведениях, которые составляют целый этап русской культуры.

Таким образом, изображая местных жителей Сибири – хакасов, Суриков рисует их с большой теплотой и человечностью. Они ничем не напоминают тех «дикарей», которые как экзотические элементы порою встречались у русских художников старой школы. Художник сумел обнаружить в этих людях лучшие человеческие черты: мужество, скромность и человеческое достоинство. Именно эти качества он и отразил отчетливо и ярко в своих работах, созданных за время поездок в Хакасию.

Литература

1. Васильева Г.А. Портрет и картина в творчестве В. И. Сурикова. Дисс. ... докт. искусствоведения, 17.00.04. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, 2001. – 451 с.
2. Васильева-Шляпина Л.В. Сибирские красавицы В. Сурикова. Портрет в творчестве художника. – СПб.: Иван Федоров, 2002. – 352 с.
3. История курорта «Озеро Ши́ра» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurort-shira.ru/us/history/> (дата обращения 01.02.2020)

4. Кеменов В.С. В.И. Суриков. 1848–1916. Каталог выставки. – М.–Л.: Гос. издательство «Искусство», 1937.
5. Кончаловская Н. Дар бесценный. – М.: Детская литература, 1974. – 334 с.
6. Кругозор. – 1876. – № 51.
7. Лисовский Н. Сибирский художник Д. И. Каратанов. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1974. – 144 с.
8. Русская советская художественная критика, 1917–1941 / Под ред. Л.Ф. Денисовой, Н.И. Беспаловой. – М.: Изобразительное искусство, 1982. – 895 с.
9. Суриков В.И. Письма. 1868–1916. М.: Искусство, 1948. – 226 с.

Статья поступила в редакцию 10.02.2020.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2020.01.002

ETHNOGRAPHIC IMAGES OF KHAKASES IN THE WORK OF V.I. SURIKOV

Chebodaeva, Maina Petrovna

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation

Abstract

The article examines the work of the artist V.I. Surikov, associated with Khakassia. For the first time, the author systematized the artist's works during his Khakass trips in 1873, 1892, 1994 and the 1909s. In the paintings and graphic works of V.I. Surikov captured the traditional world of Khakass life, which became for him a source of creative inspiration. In addition, Khakassian works demonstrate the process of studying characters, as well as the formation of the structure of construction, the color gamut of the depicted objects, and the image technique. These works are little known to the general public and undoubtedly entered the artistic heritage of V.I. Surikov.

Keywords: Vasily Surikov; painting; picture; engraving; watercolor; portrait; ethnographic subjects; traditional way of life; traditional culture; Khakassia.

For citation:

Chebodaeva M.P. Ethnographic images of Khakases in the work of V.I. Surikov. *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, 2020, No. 1 (16), pp. 23–44. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2020.01.002. Available at: <https://readymag.com/u50070366/1745169/8/> (In Russian).

Information about the author:

Chebodaeva, Maina Petrovna – Ph.D. (Art History), Researcher, the Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation. Email: chebodaevamp@mail.ru

References

1. Vasilyeva G.L. *Portret i kartina v tvorchestve V. I. Surikova*. Diss. kand. issk. [Portrait and painting in the work of V.I. Surikov. Ph.D. Diss. in art studies]. Petersburg, 2001. 451 p. (In Russian)
2. Vasilyeva-Shlyapina L.V. *Sibirskie krasavitsy V. Surikova. Portret v tvorchestve khudozhnika* [Siberian beauties V. Surikova. Portrait in the artist]. St. Petersburg, Ivan Fedorov Publ., 2002. 352 p. (In Russian)

3. The history of the resort “Lake Shira”. Available at: <http://www.kurort-shira.ru/us/history/> (accessed 01.02.2020). (In Russian)
4. Kemenov V.S. *V.I. Surikov. 1848–1916. Katalog vystavki* [V.I. Surikov. 1848–1916. Exhibition catalog]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo, 1937. (In Russian)
5. Konchalovskaya N. *Dar bestsenyi* [Invaluable gift]. Moscow, Detskaya literatura, 1974. 334 p. (In Russian)
6. *Krugozor = Horizon*, 1876, No. 51. (In Russian)
7. Lisovsky N. *Sibirskii khudozhnik D. I. Karatanov* [Siberian artist D.I. Karatanov]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk book publishing house, 1974. 144 p. (In Russian)
8. *Russkaya soetskaya khudozhestvennaya kritika, 1917–1941* [Russian Soviet art criticism, 1917–1941. Ed. by L.F. Denisova, N.I. Bespalova]. Moscow, Iskusstvo, 1982. 895 p. (In Russian)
9. Surikov V.I. *Pis'ma. 1868–1916* [Letters. 1868–1916]. Moscow, Iskusstvo, 1948. 226 p. (In Russian)

Received: February 10, 2020.